

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Научно-практическое пособие

*Под общей редакцией
Ю. В. Воронина*

*Ответственный редактор
С. В. Каменская*

НОРМА
ИНФРА-М
Москва, 2025

УДК 369
ББК 65.27
О75

znanium.com
электронно-библиотечная система

*Издание одобрено Ученым советом
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Рецензенты

А. Л. Благодир — доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина).

А. М. Лушников — доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (ЯрГУ имени П. Г. Демидова).

Е. Е. Мачульская — доктор юридических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова).

Д. А. Пашенцев — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (ИЗиСП).

О75 Основы социального страхования: становление, развитие и правовое регулирование : научно-практическое пособие / под общ. ред. Ю. В. Воронина; отв. ред. С. В. Каменская. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 440 с. — DOI 10.12737/2185786.

ISBN 978-5-00156-411-9 (Норма)

ISBN 978-5-16-020611-0 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-113281-4 (ИНФРА-М, online)

Настоящее научно-практическое пособие является первым, если не единственным, изданием, в котором авторы попытались синтезировать наиболее передовые идеи в области социального страхования в Российской Федерации, объединив позиции ученых — экономистов и юристов — по рассматриваемой проблематике.

В последние годы в законодательство и нормативные акты, регулирующие правоотношения в системе социального страхования, было внесено большое количество изменений, что привело к путанице в понятийном аппарате отрасли, дефектам в правоприменении. Авторы научно-практического пособия не только анализируют эти процессы, но и предлагают конкретные шаги для преодоления кризиса и дальнейшего развития и совершенствования системы социального страхования.

Книга будет интересна широкому кругу лиц — от научных и практических работников до студентов, изучающих социальное страхование и социальное обеспечение.

УДК 369
ББК 65.27

© Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, 2024

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

Fundamentals of Social Insurance: Formation, Development and Legal Regulation

Scientific and practical manual

*Under the general editorship of
Yu. V. Voronin*

*Editor-in-chief
S. V. Kamenskaya*

NORMA
INFRA-M
Moscow, 2025

*The publication is approved by the Academic Council
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation*

Reviewers

A. L. Blagodir — doctor of law, associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin).

A. M. Lushnikov — doctor of law, doctor of historical sciences, professor (YarSU named after P. G. Demidov).

E. E. Machulskaya — doctor of law, professor (Moscow State University named after M. V. Lomonosov).

D. A. Pashentsev — doctor of law, professor, honored worker of higher education of the Russian Federation (ILCL).

Fundamentals of Social Insurance: Formation, Development and Legal Regulation: scientific and practical manual / gen. editorship of Yu. V. Voronin; ed.-in-chief S. V. Kamenskaya. — Moscow : The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : Norma : INFRA-M, 2025. — 440 p. — DOI 10.12737/2185786.

This scientific and practical manual is the first, if not the only, unique publication in which the authors tried to synthesize the most advanced ideas in the field of social insurance in the Russian Federation, combining the positions of academic economists and lawyers on the issues under consideration.

In recent years, a large number of changes have been made to the legislation and regulations governing legal relations within the social insurance system, which has led to confusion in the conceptual apparatus of the industry, to defects in law enforcement. Without a thorough revision of the existing legal framework, its updating in accordance with the most popular practical approaches to regulating relations in the field of social insurance, it is impossible to imagine their further development and improvement.

This publication will be of interest to a wide range of people from scientists and practitioners to students studying social insurance and social security.

Коллектив авторов

Азарова Елена Герасимовна — кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, ведущий научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении ИЗиСП — § 5 гл. 2.

Антонова Наталья Владиславовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства ИЗиСП — § 5 гл. 2.

Воронин Юрий Викторович — кандидат экономических наук, заслуженный юрист РФ, заведующий Центром правового обеспечения социально-экономических реформ ИЗиСП — § 5, 6 гл. 1; § 1, 3, 4 гл. 2; § 1, 3, 4, 5, 6 гл. 3.

Еремина Ольга Юрьевна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела социального законодательства ИЗиСП — § 5 гл. 2.

Каменская Светлана Владимировна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении ИЗиСП — § 5 гл. 2.

Писаревский Евгений Леонидович — доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ — § 5 гл. 2.

Путило Наталья Васильевна — кандидат юридических наук, заведующая отделом социального законодательства ИЗиСП — § 5 гл. 2.

Столяров Андрей Викторович — младший научный сотрудник Центра правового обеспечения социально-экономических реформ ИЗиСП — введение, § 1, 3, 4, 5, 6, 7 гл. 1; § 3 гл. 2; § 6 гл. 3.

Угодников Константин Владимирович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра правового обеспечения социально-экономических реформ ИЗиСП — введение, заключение, § 2 гл. 1; § 1, 2, 4 гл. 2; § 1, 2, 3, 4, 6 гл. 3.

Цомартова Фатима Валерьевна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела социального законодательства ИЗиСП — § 5 гл. 2.

Team of authors

Azarova Elena Gerasimovna — candidate of legal sciences, honored lawyer of the Russian Federation, leading researcher of the Department of Labor and Social Security Legislation of ILCL — § 5 ch. 2.

Antonova Natalya Vladislavovna — candidate of legal sciences, senior researcher of the Department of Social Legislation of ILCL — § 5 ch. 2.

Voronin Yuri Viktorovich — candidate of economic sciences, honored lawyer of the Russian Federation, head of the Center for Legal Support of Socio-Economic Reforms of ILCL — § 5, 6 ch. 1; § 1, 3, 4 ch. 2; § 1, 3, 4, 5, 6 ch. 3.

Eremina Olga Yuryevna — candidate of legal sciences, leading researcher of the Department of Social Legislation of ILCL — § 5 ch. 2.

Kamenskaya Svetlana Vladimirovna — candidate of legal sciences, leading researcher of the Department of Labor and Social Security Legislation of ILCL — § 5 ch. 2.

Pisarevsky Evgeniy Leonidovich — doctor of law, honored lawyer of the Russian Federation — § 5 ch. 2.

Putilo Natalya Vasilievna — candidate of legal sciences, head of the Department of Social Legislation of ILCL — § 5 ch. 2.

Stolyarov Andrey Viktorovich — junior researcher at the Center for Legal Support of Socio-Economic Reforms of ILCL — introduction, § 1, 3, 4, 5, 6, 7 ch. 1; § 3 ch. 2; § 6 ch. 3.

Ugodnikov Konstantin Vladimirovich — candidate of economic sciences, leading researcher at the Center for Legal Support of Social and Economic Reforms of ILCL — introduction, conclusion, § 2 ch. 1; § 1, 2, 4 ch. 2; § 1, 2, 3, 4, 6 ch. 3.

Tsomartova Fatima Valerievna — candidate of legal sciences, leading researcher of the Department of Social Legislation of ILCL — § 5 ch. 2.

Правильно говорится: нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Мы прекрасно знаем, что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования¹

Введение

«Нет ничего практичнее хорошей теории». Это поистине народное изречение, которое мы поставили в качестве эпиграфа к нашей работе, принадлежит, конечно, не Л. И. Брежневу. И даже не Л. Больцману, которого чаще всего упоминают в качестве автора. Вообще достоверно неизвестно, кто первый высказал эту мысль. Наиболее ранний из доступных источников — 12-й том «Энциклопедии медицинских наук» Ф. Л. Майснера (1796—1860), где в статье «Теория» говорилось: «Нет ничего более ценного, чем хорошая теория». Правда, никто не поручится, что данная мысль не была высказана еще ранее кем-либо из менее известных людей. Но сама широта круга авторов, которым это высказывание приписывают, а также глубина его бытования в научном мире — от начала XIX в. до наших дней — свидетельствует об общепризнанности выражаемой им мысли.

В процессе работы над этим пособием авторы поставили цель выстроить некоторую непротиворечивую теорию вопроса, вскрыть основания проблематики социального обеспечения и социального страхования, показать, из каких источников и почему черпали авторы тех или иных решений свои идеи и представления, как различные стороны проблемы связаны между собой и почему.

Историю возникновения и развития систем социального обеспечения и социального страхования в разных странах и разбор действующих нормативных актов Российской Федерации и отдельных стран в режиме «*ut est*»² можно посмотреть во множестве существующих исследований и практических пособий. Авторы этой книги попытались показать истоки становления различных подходов, чтобы читатель яснее понимал содержание и исторические корни стоящих сегодня пе-

¹ XXV съезд КПСС. Стенографический отчет. 24 февраля — 5 марта 1976 г.: в 3 т. Т. 1. М., 1976.

² В переводе с лат. — так, как есть.

ред обществом проблем, а также ограничения, налагаемые на выбор возможных решений самой исторической формой тех или иных явлений, и как происходило становление системы в ее сегодняшнем крайне противоречивом виде.

Сложность заключалась в том, что социальное страхование в России, которое, по сути, является субинститутом отрасли социального обеспечения, уже долгое время находится в стадии перманентной трансформации, результат которой далеко не предопределен и даже не очевиден в силу разнонаправленности процессов, происходящих в сфере трудовых отношений, составляющих смысловой и институциональный базис социального страхования.

В последние годы в законодательные и другие нормативные правовые акты, регулирующие правоотношения в рамках системы социального страхования, внесено большое количество изменений. Их разработчиками были самые разные субъекты, обладающие правом законодательной инициативы. Довольно часто они придерживались диаметрально противоположных идеологических и концептуальных позиций. Результатом этого процесса стала сложившаяся путаница в понятийном аппарате отрасли, что делает неизбежной необходимость прежде, чем приступить к анализу содержательной стороны вопроса, определиться с таксономией.

И это не удивительно. Еще Спиноза в «Этике», основном своем произведении, предлагал строить метафизику по аналогии с логикой, что предполагало:

- задание алфавита (определение базовых терминов);
- формулировку логических законов (аксиом);
- вывод остальных положений из аксиоматики путем применения логических операций.

Предполагалось, что такая последовательность обеспечивает истинность выводов в случае истинности аксиом¹. Именно поэтому, а еще и потому, что в последние годы понятийный аппарат отрасли оказался чрезвычайно «загрязнен» бытовым словоупотреблением научных понятий и обратными явлениями — использованием бытовых понятий в качестве научных, — нам придется начать именно с понятийного аппарата.

¹ См.: Спиноза Б. *Этика*, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей / пер. с лат. Н. А. Иванцова; науч. ред., автор предисл. и примеч. В. В. Соколов. 2-е изд. М., 2018.

Проблема понятийного аппарата

Следует отдавать себе отчет в том, что *понятийный аппарат любой отрасли — вещь сугубо прагматическая*. Он должен не только позволять всем специалистам — как идеологам, так и на уровне исполнителей — говорить «на одном языке», но и обеспечивать определенную логику развития процессов, проистекающую, прямо или косвенно, из содержания понятий и их соподчиненности (иерархии).

На практике мы в последние годы наблюдаем весьма произвольное отношение федеральных органов исполнительной власти, выступающих основными инициаторами внесения изменений в действующее законодательство, к базовым понятиям отрасли права социального обеспечения. В результате понятия «социальная защита», «социальная поддержка», «социальная помощь» вдруг приобрели признаки эквивалентности, что свидетельствует об утрате ими статуса понятий и, как следствие, юридических терминов. Аналогичная ситуация складывается и в части понимания «социальных взносов» и «социального налога».

Важность однозначного разрешения данного вопроса заключается еще и в том, что язык сформировался из потребности обеспечения совместной деятельности членов социума. В силу этого он исходно требует одинакового понимания смысла. Без такого понимания невозможна реализация совместных стратегий даже на коротком горизонте. Данное утверждение верно даже для обыденного языка повседневного общения, что уж говорить о понятийных системах науки и права, применяющихся не в рамках прямой коммуникации ограниченного числа лиц, в непрямой, институализированной деятельности.

Путаница в понятиях в области социальной защиты не исключительно российская проблема. Аналогичные тенденции мы наблюдаем и в результатах деятельности международных организаций, таких как Международная организация труда (МОТ), и различных межстрановых объединений.

Например, в докладе МОТ говорится: «*Социальная защита* или *социальное обеспечение* относится к одному из прав человека и, согласно своему определению, является совокупностью мер и программ, цель которых — сокращать и предотвращать *бедность* и *незащищенность* людей на протяжении их жизненного цикла...». При этом утверждается: «Системы социальной защиты обеспечивают защиту во всех указанных сферах при помощи *сочетания страховых пособий (комплекс программ, основанных на уплате взносов) и социальных пособий* (в том

числе выплат по программам социальной помощи), *которые финансируются за счет налогов...*», и даже в рамках благотворительных программ.

Такая разногласия при верном разделении свидетельствует о наличии двух принципиально различных подходов к социальной защите: как к борьбе с бедностью (что бы под бедностью в данном случае ни понималось) и защите работников. Налицо две цели «системы» — борьба с бедностью (социальное обеспечение) и борьба с незащищенностью наемных работников при негативных для них изменениях условий труда (социальное страхование). Это обстоятельство само по себе свидетельствует о том, что мы имеем дело не с системой, а с совокупностью систем, объединяемых в рамках единого понятия. Более детальный анализ несоответствий в определениях, истоков и оснований будет дан ниже, поэтому ограничимся здесь лишь констатацией данного обстоятельства.

Дополнительным фактором понятийной путаницы является не всегда качественный перевод юридических текстов международных договоров и конвенций, сделанный без понимания исходной проблематики. Это вносит неразбериху в вопросы, являющиеся предметом нашего исследования. Например, применяемые в международных нормативных актах понятия «protection» и «security» не являются эквивалентными — первое указывает на защиту, осуществляемую извне, а второе лучше перевести как «защищенность», т. е. внутренняя безопасность от внешних воздействий. Иными словами, первое больше соответствует понятию «социальная защита», а второе целесообразно перевести как «социальная защищенность».

Но вернемся к российскому опыту функционирования системы социального страхования. В нашей стране возникновение путаницы в понятиях имеет и свои уникальные причины. Они связаны с нашей историей последних 30 лет. Для советской системы социальной защиты в силу особенности исторически сформировавшейся модели, страховой по форме и обеспечительной по содержанию (по своей внутренней природе), взаимозаменяемость, практически полная эквивалентность понятий «социальное обеспечение», «социальная защита», «социальное страхование» была естественной и не вызывала существенных проблем, поскольку практика строилась на презумпции обеспечения максимально возможной социальной защищенности и социальной справедливости (временами вплоть до уравнительности).

Предпринятая в 1991 г. попытка продвинуться в направлении «развитых стран», в том числе в социальной сфере, на наш взгляд, была

несомненным шагом назад, если рассматривать его с точки зрения уровня социальной защищенности граждан. Но она была сделана в силу сложившихся объективных обстоятельств. В СССР в условиях фактической и идеологически декларируемой всеобщей занятости социальное страхование не имело такого значения, как сегодня, в условиях конкуренции как между самими наемными работниками, так и за наемных работников, а также циклического изменения количества рабочих мест и условий труда. Поэтому в современной России социальное страхование должно восприниматься в качестве базового элемента системы социальной защиты, где остальные играют соподчиненную, техническую роль. Именно поэтому применяемый сегодня в законодательстве и в праве социального обеспечения понятийный аппарат уже не соответствует современным социально-экономическим и политическим реалиям.

Следует также обратить внимание на то, что уже после 2014 г. под давлением международных институтов группы Всемирного банка в нашем законодательстве усилиями финансового блока Правительства РФ в систему социального страхования стала активно внедряться философия «борьбы с бедностью», понимаемая как предоставление минимально возможных социальных гарантий в рамках так называемой политики затягивания поясов (*austerity policy*¹), где инструментом нормативного регулирования стал прожиточный минимум, трактуемый как минимум физиологического выживания². Такое развитие событий также стало возможным в силу размывания смысла понятий социального законодательства.

Таким образом, если сегодня жестко и концептуально однозначно не зафиксировать подходы к социальной сфере как к главной сфере деятельности государства, то мы рискуем, в принципе, лишиться не только социального страхования, которое остается самой эффективной моделью защиты интересов наемных работников, но и социальной сферы в целом. Даже несмотря на то, что в России все еще сохраняются некоторые остатки былых достижений в области социальной защиты населения, которые, как стало очевидным, влияли и на уровень социальной обеспеченности населения так называемых развитых стран, где в значительной мере вынужденно реализовывалась концепция государства всеобщего благосостояния (*welfare state*).

¹ В переводе с англ. — политика аскетизма, самоограничения.

² Подробнее см.: Научные концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. 8-е изд. М., 2024. С. 289—291.

Предлагаемый нами в рамках данного пособия подход к формированию таксономии отрасли, который мы будем применять в дальнейшем анализе, выглядит следующим образом. В качестве родового понятия отрасли мы предлагаем использовать термин «социальная защита». Изначально он происходит от англ. *social security* (социальная защищенность, обеспеченность, безопасность), однако сегодня в официальной практике международных организаций чаще используется термин *social protection* (защита, ограждение от неблагоприятностей).

Социальная защита, понимаемая в *широком смысле*, представляет собой совокупность социальных институтов (в том числе и институтов как специализированных организаций), ориентированных на обеспечение народонаселения, защиту социально слабых индивидов и семей, снижение уровня неравенства и социальной изоляции, угрожающих социальной стабильности в обществе.

В той или иной форме элементы социальной защиты в широком смысле присутствовали даже в древних обществах, однако в наиболее явном виде они проявляются на этапе становления ранних государств. В частности, в Древнем Китае уже в I тысячелетии до н. э. существовала устоявшаяся практика раздачи зерна из государственных хранилищ в годы стихийных бедствий, причем настолько широкая, что историк Сыма Цянь писал во II в. до н. э.: «Бедняки совсем не имеют запасов для жизни, и все полагаются лишь на казну». Позднее данная практика хлебных раздач широко применялась в имперском Риме¹.

Социальная защита в узком смысле выступает как система гарантированных или непосредственно предоставляемых государством и другими социальными институтами экономических, правовых и иных мер защиты социальных прав и основных жизненных потребностей лиц, пострадавших от реализации социально-страховых рисков или оказавшихся в трудной жизненной ситуации (они выступают в качестве объектов социальной защиты) и не способных в силу этого самостоятельно противостоять негативным последствиям событий, связанных с лишением полностью или частично источников доходов, с возникновением чрезвычайных расходов, на покрытие которых не рассчитан обычный доход, с ограничениями жизнедеятельности.

Социальная защита (в обоих смыслах) выступает как родовое понятие по отношению к различным ее видам и формам. В современной

¹ Практиковалось подобное и в России, что отразилось даже в нашей литературе. Вспомним произведение А. С. Пушкина «Борис Годунов», где автор вкладывает в уста царя Бориса следующие слова: «Бог насылал на землю нашу глад, Народ завыл, в мученьях погибая; Я отворил им житницы, я злато рассыпал им, я им сыскал работы».

практике выделяют такие виды, как социальное обеспечение, состоящее из обязательного социального страхования (включая и социальное обеспечение по обязательному социальному страхованию), и собственно социальное обеспечение в узком смысле (например, социальные пенсии), социальная помощь, социальная поддержка, социальное сопровождение, социальное содействие и т. п. — в целом или категориально (инвалиды, ветераны, семьи с детьми и т. д.).

Социальная защита реализуется в материальной (денежной) форме через систему различных социальных выплат, компенсаций и льгот или в натуральной форме через систему социального обслуживания, предоставляющую широкий спектр социальных услуг.

Субъектами социальной защиты выступают, с одной стороны, государство в лице своих органов, публичных учреждений и иных агентов (физических и юридических лиц), а с другой стороны, физическое лицо, официально проживающее на территории государства (гражданин государства, иностранный гражданин, лицо без гражданства, беженец). Деятельность агентов государства по осуществлению социальной защиты, как правило, подлежит обязательному лицензированию и строгому государственному и общественному контролю.

Выделяются конституционные гарантии и иные меры (инструменты) социальной защиты. К конституционным гарантиям относятся: охрана труда и здоровья людей; установление гарантированного минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий, пособий и других мер социальной защиты (на законодательном уровне). Иные меры — это различные денежные пособия, в том числе субсидии и единовременные (разовые) выплаты; местные доплаты до прожиточного минимума; различные программы борьбы с бедностью, в том числе адресные, с оценкой нуждаемости по социальным контрактам; социальные услуги; меры по содержанию, обслуживанию, воспитанию, консультированию, обучению и сопровождению детей; социальные льготы; медицинская, социальная, трудовая, психологическая адаптация и реабилитация; геронтологическая помощь; содержание в стационарных и нестационарных учреждениях социального обслуживания; содержание в хосписах; предоставление продовольственной помощи и обеспечение жизненно необходимыми товарами; помощь в получении образования и профессиональной подготовки; благотворительность и др.

Как видим, понятие «социальная защита» чрезвычайно широко и многогранно, и на практике охватывает не только социально-трудовые отношения, но и отношения гражданско-правовые, например в сфере благотворительности или оказания социальных услуг на возмездной основе. Соответственно, и регулирование этих отношений относится к предмету не только права социального обеспечения, но и гражданского, административного права и иных отраслей.

В Российской Федерации основной формой социальной защиты выступает социальное обеспечение (в широком смысле), реализованное в виде обязательного социального страхования и собственно социального обеспечения (в узком смысле). Другие виды социальной защиты: социальная помощь, социальная поддержка, социальное сопровождение, социальное содействие и т. п. — могут оказываться как в дополнение к социальному обеспечению, так и независимо от него, не образуя при этом самостоятельную отрасль права, а относясь к различным отраслям законодательства.

Социальное обеспечение в широком смысле понимается как вид или организационно-правовая форма осуществления социальной защиты, заключающаяся в обеспечении государством главным образом нетрудоспособных лиц, а также трудоспособных лиц, утративших работу, при возникновении у них расходов социального характера, денежными выплатами, компенсацией расходов, материальными льготами и натуральными услугами, устанавливаемыми централизованно на весь период нетрудоспособности, поиска работы, нуждаемости в медицинской помощи и в услугах по социальному обслуживанию в целях компенсации утраченного дохода от трудовой деятельности, компенсации повышенных расходов социального характера, предоставления источника средств к существованию и компенсации ограничений жизнедеятельности.

Обязательное социальное страхование представляет собой вид социального обеспечения, основанный на условно-возмездных отношениях, вытекающих из уплаты работодателем (в некоторых странах — и работником, но, как правило, в меньшей части) установленных законом обязательных денежных взносов, направляемых на финансирование компенсации работнику утраченного заработка при наступлении социально-страхового случая. Отношения по обязательному социальному страхованию прямо вытекают из трудовых отношений между работником и работодателем.

Нетрудоспособными признаются соответствующие лица в силу их возраста (старость и несовершеннолетие), состояния здоровья (инва-

лидность, временная нетрудоспособность, беременность и роды) и необходимости осуществления ухода за малолетними детьми. Основанием для предоставления государством мер социального обеспечения является наступление социально-страхового случая, отражающего факт реализации *социально-страхового риска*, от которого осуществляется обязательное социальное страхование, или возникновение иной сложной (трудной) жизненной ситуации.

Традиционно в мире *социально-страховыми случаями* признаются (при наличии установленных законом условий): болезнь, материнство (беременность и роды, уход за малолетним ребенком), инвалидность, старость, смерть кормильца, безработица, несчастный случай на производстве (трудовое увечье, профессиональное заболевание), нуждаемость в социально-медицинском уходе, необходимость в получении медицинской помощи и иные расходы в связи с чрезвычайными обстоятельствами (рождение ребенка, смерть). Однако в Российской Федерации безработица (отсутствие работы) и нуждаемость в социально-медицинском (постоянном постороннем) уходе не страхуются в обязательном социальном страховании, а относятся к непосредственному социальному обеспечению.

Обеспечение по обязательному социальному страхованию предоставляется в виде денежных страховых выплат (пенсии, пособия и иные выплаты), а в некоторых случаях (например, при трудовом увечье или профессиональном заболевании) и в виде страховых натуральных услуг.

Социальное обеспечение (в широком смысле) финансируется за счет средств бюджета обязательного социального страхования или за счет федерального бюджета. Обеспечение, исходя из применяемых при осуществлении социального обеспечения организационно-правовых инструментов, может предоставляться в виде материального обеспечения (социальных денежных выплат: пенсии, пособия, компенсации, субсидии и т. п.); социального обслуживания (различные социальные натуральные услуги и льготы).

Социальное обеспечение (в широком смысле), как правило, является всеобщим, универсальным, предоставляемым в силу приобретенных прав на него, т. е. без усмотрения предоставляющих институтов в зависимости от материального положения человека и иных факторов.

Помимо социального обеспечения в понятие социальной защиты входят также социальная помощь и социальная поддержка.

Социальная помощь — организационно-правовая форма осуществления социальной защиты (наряду с социальным обеспечением и со-

циальной поддержкой), заключающаяся в облегчении и упрощении жизнедеятельности человека, оказавшегося в сложной (трудной) жизненной ситуации, через предоставление ему публичными и частными органами и организациями денежных выплат, материальных льгот и компенсаций, натуральных услуг.

Социальная помощь по объему и степени государственного участия в жизнедеятельности человека находится между социальным обеспечением и социальной поддержкой. Это не факультативный, а обязательный элемент жизнедеятельности. Без посторонней (социальной) помощи человек сам с возникшей жизненной проблемой не справится, без этой помощи он никак не обойдется, такая помощь имеет для него решающую, определяющую роль в выходе из сложной жизненной ситуации. Этот вид социальной защиты предназначен, прежде всего, для защиты бедных, одиноко проживающих, малоимущих, малообеспеченных граждан, если им не хватает их трудового дохода или государственного социального обеспечения. Как правило, это случается в силу семейных обязанностей, т. е. необходимости содержать (обеспечивать жизнедеятельность) не только себя, но и членов семьи, которые находятся на их иждивении. Социальная помощь, как правило, является адресной, предоставляемой с учетом нуждаемости человека в данной помощи и иных факторов его жизнедеятельности.

Социальная поддержка представляет собой организационно-правовую форму осуществления социальной защиты (наряду с социальным обеспечением и социальной помощью), заключающуюся в сохранении, подкреплении, усилении жизнеспособности конкретного человека, столкнувшегося с социальными проблемами, через предоставление ему публичными и частными органами и организациями денежных выплат, материальных льгот и компенсаций, натуральных и морально-психологических услуг. Социальная поддержка выражается в оказании человеку возможного содействия в обеспечении его нормальной жизнедеятельности в тех случаях, когда он, в принципе, сам может и должен справиться с возникшими у него жизненными трудностями, однако ему для этого требуется подкрепление его усилий со стороны. Такая поддержка факультативна, она не играет решающей роли, человек сам способен справиться с возникшей проблемой, но при посторонней поддержке сделает это проще, легче, быстрее, менее затратно.

Социальная поддержка в отличие от социальной помощи может быть и моральной, и психологической, тогда как социальная помощь всегда материальная или натуральная, т. е. предметная, осязаемая. Социальная поддержка, по сути, является дополнением к мерам соци-

ального обеспечения и социальной помощи, представляющим очень широкий спектр действий, точечных, часто несистемных, неинституциональных, определяемых не только законодательно, но и на уровне муниципальных образований и различных организаций, нередко разовых (от случая к случаю, по возможности), зато очень гибких, разнообразных, оперативных, ситуационных инструментов (мер) решения проблем, возникающих в жизнедеятельности человека и его семьи. Социальная поддержка, как правило, является адресной, предоставляемой с учетом нуждаемости человека в данной помощи и иных факторов его жизнедеятельности. Социальная поддержка является наиболее широкой по набору инструментов формой социальной защиты.

Набор инструментов социальной защиты включает как традиционные меры, посредством которых осуществляется социальное обеспечение, так и «нетрадиционные», принимаемые на постоянной, временной или разовой основе (*ad hoc*) различными уровнями исполнительной власти, общественными и благотворительными организациями, работодателями, профсоюзами и другими государственными и частными структурами, а также объединениями граждан.

Социальная помощь и социальная поддержка являются краткосрочными формами поддержки населения в неблагоприятных ситуациях и дополнительными по отношению к доминирующим формам — обязательному социальному страхованию и социальному обеспечению.

Особо следует выделить понятие «*прожиточный минимум*», поскольку оно является не только юридическим, но целевым регулятивным показателем (нормативом), на достижение которого ориентирована система. В силу этого необходимо напрямую связать его с целевой функцией социальной защиты и социальной политики в целом.

Подробно проблема понятия прожиточного минимума и сложности с его интерпретацией рассмотрены в гл. 12 упоминавшейся ранее монографии «Научные концепции развития российского законодательства». Здесь же следует указать, что в рамках настоящего пособия, если это не оговаривается особо, прожиточный минимум авторами применительно к системе социального страхования в Российской Федерации будет пониматься в трактовке Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» как *величина медианного среднедушевого дохода* за предыдущий год, скорректированного по каждой из основных социально-демографических групп населения (работающие, пенсионеры, дети) на соответствующий коэффициент.

Необходимость обращения к вопросу уточнения понятийного аппарата во введении к предлагаемому пособию обусловлена тем обстоятельством, что в настоящее время в вопросах регулирования социального страхования сосуществуют две несовместимые концептуальности, восходящие к двум базовым европейским традициям социальной защиты, о которых подробно будет сказано ниже: англосаксонской (датской) и континентальной (так называемая модель Бисмарка).

И это помимо унаследованных от предшествующего социалистического периода представлений о социальной защите и социальном страховании, которое являлось совершенно в соответствии с диалектической логикой Г. В. Ф. Гегеля одновременно и отрицанием этих двух традиций, и их синтезом¹.

Обращаясь к проблеме уточнения понятийного аппарата, авторы исходят из сугубо прагматических соображений, основанных на понимании того обстоятельства, что максимально жесткая и всесторонняя фиксация содержания понятий и их взаимной связанности/соподчиненности (построение таксономии) является инструментом фиксации определенных концептуальных подходов и целеполагания. Причем чем скрупулезнее и точнее будет описано содержание понятий, тем сложнее будет носителям иной концептуальности их выхолостить или подменить.

Договориться о понятиях, значит договориться о совместной целенаправленной деятельности, ориентированной на сохранение и развитие социума, а не на достижение бюджетной экономии и сокращения социальных расходов. Как бы парадоксально это ни звучало, но упорядочение понятийного аппарата отрасли и последовательное закрепление его в нормативных правовых актах способно обеспечить создание правовых условий для отхода от доминирования норм финансового и бюджетного права над нормами, закрепляющими социальные и иные права граждан.

Бюджет лишь инструмент обеспечения прав, а не цель существования общества. Да и экономика лишь способ создания материальных благ, а также несколько не цель. На что указал и Конституционный Суд РФ в постановлении от 23 апреля 2004 г. № 9-П по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним

¹ В связи с этим применительно к существующей сегодня в Российской Федерации системе социального страхования мы должны говорить скорее о «шаге назад», чем о развитии, хотя такое утверждение в условиях системной трансформации трудовых отношений последних двух десятилетий является не до конца верным.

в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского.

Принятие сначала на уровне юридического сообщества, а потом и в обществе в целом, и последующее закрепление обновленной и более строго сформулированной таксономии потребует пересмотра значительной части принятых нормативных правовых актов различного уровня, а в дальнейшем, видимо, кодификации отраслевого законодательства (с одновременным отказом от избыточного регулирования отрасли на уровне подзаконных актов, часто некомпетентных и существенно изменяющих сами концептуальные основы законодательства).

Как это ни удивительно, но юриспруденция может сегодня стать действенным инструментом преобразования действительности в условиях, когда традиционные политические формы согласования интересов отсутствуют.

Особо следует остановиться на таком вопросе, как сложившаяся в последние годы тенденция расширительно трактовать предмет права социального обеспечения, понимая его, например, как «сложный комплекс отношений как материального, так и процедурно-процессуального характера возникающих в связи с распределением части ВВП через систему социального обеспечения». В такой постановке предмет регулирования выходит далеко за пределы трудовых отношений, охватывая такие формирующиеся элементы социальной защиты, как благотворительность, сфера предоставления социальных услуг, т. е. те области, которые традиционно регулируются нормами гражданского и административного права.

При этом надо учитывать, что собственно предмет рассмотрения настоящего пособия — социальное страхование — является лишь элементом, пусть и самым существенным в сложившейся де-факто в Российской Федерации системы социальной защиты и, более узко — социального обеспечения, понимаемого как совокупность институтов социального страхования и собственно социального обеспечения, не связанного со страхованием, а также различных смешанных форм, содержащих элементы того и другого институтов.

Общее представление о системе социальной защиты и социального страхования

Социальная защита как совокупность широкого круга общественных отношений по поводу распределения части общественного богатства в интересах экономически, социально и политически слабых социальных групп может рассматриваться с самых различных точек зре-

ния. В связи с этим объект «социальная защита» как объект научного анализа имеет априори междисциплинарный характер. Межотраслевая комплексная природа самого объекта исследования, в свою очередь, предполагает взаимопроникновение и взаимовлияние различных наук на предмет исследования юридической науки как таковой в части подходов к анализу феномена социальной защиты и социального страхования, как ее существенного элемента. Причем на долю юридической науки остается лишь фиксация в нормах сложившихся социальных и культурных практик, а отнюдь не их формирование, чем часто грешат современные представители отдельных направлений юридической мысли, особенно так называемого экономического империализма¹.

Социальная защита являет собой специфический социальный институт, возникающий на самых ранних этапах формирования социума и развивающийся вместе с ним как в виде совокупности общественных представлений, установлений, правил и норм, так и в виде собственно институтов (организаций), что особенно характерно для поздних этапов развития социума. Все социальные институты формируются обществом в процессе развития для решения определенных задач. На эту функциональную сторону социального института обратил внимание еще Э. Дюркгейм². Круг этих задач может быть довольно широким и разнообразным.

Собственно, исходя из определения социального (общественного) института «как системы взаимосвязанных норм, которые опираются на коллективно разделяемые ценности, свойственные тому или иному обществу или той или иной социальной группе, и обобщаются как способы действия, мышления и чувствования»³, мы можем утверждать, что они исторически и культурно детерминированы. Еще К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» (1844 г.) отмечал, что общественные институты, такие как семья, государство, социальная защита, не пустые абстракции, а «социальные формы существования человека»⁴, причем формирующиеся исторически⁵.

¹ См., например: *Познер Р.* Экономический анализ права: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб., 2004.

² См.: *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М., 2018.

³ *Sociology: The Key Concepts / J. Scott (ed.).* L.; N. Y., 2006. P. 90—91.

⁴ *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 263.

⁵ См.: *Маркс К.* П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 406.

Коль скоро социальные институты связаны с понятием социальной структуры, социальные институты выстраиваются на основе норм и социальных ожиданий и порождают практики социальной жизни, именно исходя из этой структуры и характера взаимодействия ее отдельных элементов — как культурного, политического, так и экономического. Причем экономический элемент играет в этих отношениях подчиненную, хотя и существенную роль, выступая ограничительным условием для принимаемых решений.

Определенное соотношение элементов социальной структуры неизбежно порождает определенную и совершенно особую институциональную структуру. Применительно к социальной защите мы можем описать эту зависимость в терминах «среда» и «институциональная структура».

Говоря о социальной защите как среде, мы подразумеваем некоторую совокупность:

а) системы инструментов гармонизации отношения равноуровневых субъектов (государство/нация, локальное сообщество, семья, индивид) в интересах сохранения социальной стабильности и обеспечения развития¹;

б) системы инструментов конституирования новых и «разрушения» существующих субъектов в интересах заявленных целей и поставленных задач;

в) набора инструментов рефлексивного управления поведением субъектов в рамках повседневной жизни, опосредованного влияния на формирование индивидуальных жизненных стратегий;

г) выполнения функций внутреннего регулятора экономики, гармонизирующего распределение ресурсов между социальными группами, субъектами, производством и потреблением.

Все эти элементы среды могут не рефлексироваться, но так или иначе они присутствуют. Возникнув в глубокой древности как необходимая составляющая существования даже кровнородственных сообществ (что уж говорить о территориальных), они сохранили свою значимость и до сего дня.

Все перечисленное выше представляет собой, по существу, совокупность инструментов социального инжиниринга, которые могут

¹ Отметим, что в такой постановке налицо противоречие заявленных целей, поскольку стабильность отрицает развитие, и наоборот. Таким образом, мы имеем дело с некоторым компромиссом или, иными словами, общественным консенсусом по поводу распределения благ, который является элементом общественного договора в классическом понимании этого термина.

быть использованы в той или иной мере сознательно или неосознанно, а могут формироваться стихийно по мере возникновения необходимости и неизбежно через острые социальные кризисы¹. Если на ранних этапах развития социума допустимо было полагаться на волю стихийных процессов формирования этой среды, то по мере усложнения общества и нарастания конфликтности такой подход становится весьма опасным и контрпродуктивным. Соответственно, лозунг либеральной экономической мысли о благотворности «свободной руки рынка» является весьма опасным с точки зрения перспектив существования общества.

Социальная защита как институт есть закрепление в некоторой организационной форме сложившихся балансов интересов различных социальных сил, а также концептуальных представлений этих сил об устройстве мира и общества (онтологии). Когда мы говорим о социальной защите как институте, мы имеем в виду прежде всего ее институциональное устройство в данном обществе.

Институциональное устройство — динамическая неравновесная система (в терминах непривычной для юристов математики), состояние которой определяется *борьбой субъектов за перераспределение ресурсов и контроль над институтами*. Оно включает в качестве элементов:

- систему «лиц» (публично- и (или) частноправовых институтов);
- систему бюджетов и внебюджетных денежных фондов;
- систему субъектов (институциональных и внеинституциональных);
- существующую структуру взаимосвязей между вышеперечисленными элементами системы.

Следует иметь в виду, что институты (как лица), единожды возникнув, начинают выступать как самостоятельные акторы со своими собственными, отличными от исходной задачи и от субъектов, выступивших инициаторами их создания, интересами. Данное обстоятельство необходимо учитывать при регулировании отношений в институциональной сфере.

Из вышесказанного неизбежно следует, что состояние и тенденции развития системы социальной защиты и ее институционального проявления определяются теми исходными культурными и социальными представлениями («проектностями» или, в более ранних терми-

¹ Что мы в реальности и наблюдали на примере истории многих европейских стран последние два с половиной столетия.

нах, идеологиями), носителями которых являются ключевые субъекты системы. Последнее осуществляется в рамках субъективной проективности тех или иных социальных групп (классов).

В основе же «проектностей» лежат некоторые *матрицы мышления (основания суждений)*, часто не осознаваемые субъектами, но тем не менее реально существующие и влияющие на принятие решений и осуществление социальных взаимодействий. Уместно вспомнить в связи с этим тезис американского социолога У. Томаса, превратившийся с легкой руки другого социолога Р. Мертона в «теорему Томаса», которая гласит: «Если человек мыслит что-либо как реальное, оно реально по своим последствиям»¹. Иными словами, устойчивые представления социальных групп и отдельных акторов неизбежно проявляются в социальной практике, т. е. в реальности.

Подводя итог сказанному выше, можно утверждать, что социальная защита как социальный институт есть сложный механизм трансформации или поддержания субъектов отношений по поводу перераспределения средств в пользу социально незащищенных групп, а также управления поведением всех упомянутых субъектов в соответствии с поставленными целями и в рамках существующих ресурсных ограничений, осуществляемое на основе господствующих представлений о должном (этика) и возможном (прагматика). Структура социального института в общем виде может быть представлена как совокупность: 1) целей и задач системы (проектность), 2) субъектов, 3) ресурсов, 4) механизмов, представляющих собой институциональное оформление перераспределения ресурсов вовне и внутри системы, 5) системы прямых и обратных связей между элементами системы.

Именно в силу вышеозначенной структуры мы говорим о *проектности* общественной и экономической жизни, не всегда осознанной, но всегда существующей как *встроенная матрица ценностей, целей и задач. Вербализация и формализация ценностей и целей (конституируемых на уровне религий или идеологий и проявленных в этических конструкциях) и доведение ее до структуры задач и инструментов — задача науки.*

При этом одной из ключевых проблем является вычленение действительного (а не нормативного — заявляемого публично) *социального субъекта*, чья воля определяет проект, положенный в основу системы. На протяжении истории мы имели множество концепций таких субъектов. Существовали (и существуют до сих пор) концепции госу-

¹ Merton R. K. Social Theory and Social Structure. L., 1968. P. 475.

дарства, элит/страт/варн, помазанника Божьего / держателя мандата Неба, передового класса, партии как авангарда класса, даже индивида.

Однако индивид не субъект социальных изменений. Даже совокупность разрозненных индивидов не субъект, а только ресурс. Именно в этом, как станет очевидным далее, проблема подхода англосаксонской модели социальной защиты, которая мистифицирует природу социальных отношений и ее субъектов концепциями «рынка» как места взаимодействия огромного числа *homo economicus*¹, не только действующих произвольно в целях максимизации собственной выгоды², но и устанавливающих правила этого взаимодействия³. По сути, речь идет о вмешательстве «божественного проведения», камуфлируемом ссылкой на статистические законы и закономерности, произвольно экстраполируемые на неограниченный горизонт времени⁴.

Столь последовательное использование нами выше понятия «социальная защита» в рамках работы по социальному страхованию было необходимо для того, чтобы четко зафиксировать не столько социально-экономическую и правовую природу собственно социального страхования, сколько его место в более широком контексте социальной защиты.

Причины такого подхода станут ясны из анализа, данного в гл. 2, где показывается, что о социальном страховании можно говорить только применительно к одному из двух господствующих взглядов на организацию социальной защиты населения, а не к любому вообще, как это делалось довольно длительное время в практике российской науки и постоянно — в рамках зарубежной, не проводившей на деле различия между социальным и классическим страхованием, относившей к социальному и многие формы классического страхования, исходя исключительно из формально заявленных целей.

¹ См.: *Zak P. J. Moral Markets: The Critical Role of Values in the Economy*. Princeton University Press, 2010. P. 158; *Kliver J., Frazier R., Haidt J. Behavioral Ethics for Homo Economicus, Homo Heuristicus, and Homo Duplex // Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2014. Vol. 123. Iss. 2. P. 150—158; *Капелюшников Р. И. Кто такой Homo oeconomicus? // Экономическая политика*. 2020. Т. 15. № 1. С. 8—39.

² Причем выгоды, понимаемой исключительно в денежном ее выражении.

³ Отсюда, кстати, проистекает представление об «общественном договоре» именно как договоре (коммерческом контракте), заключаемом множеством индивидов, «наминающих» государство для контроля за его исполнением всеми сторонами сделки.

⁴ Именно здесь происходит слияние религиозной доктрины протестантизма с «научной парадигмой» в ее бэконовском понимании, в итоге трансформировавшейся в позитивизм как основу современной экономической и социологической научной мысли Запада.

Итак, зафиксируем, что исходной основой становления системы социальной защиты являются совокупность представлений и культурных архетипов, существующих в обществе, его действительная социальная структура и характер взаимодействия этих элементов. Они определяют содержание институтов, фиксируемых правом в виде совокупности норм, которые мы рассматриваем как право социального обеспечения и его отдельных субинститутов, таких как социальное страхование и социальное обеспечение, понимаемое в узком смысле.

Исходя из предложенной изначально таксономии, социальное страхование будет рассматриваться нами как подсистема мер социальной защиты, непосредственно связанная с трудовыми отношениями и прямо проистекающая из этих отношений. Этим обстоятельством определяется специфика данного института, его существенные черты и особенности функционирования.

Представление о системе социального страхования как о правовом субинституте, как о науке, как об учебной дисциплине

Социальное страхование как объект исследования, будучи составной частью системы социальной защиты, неизбежно является сложным по своей природе и подчиняется тем же зависимостям, что и целое. При этом социальное страхование как предмет междисциплинарного исследования представляет собой совокупность социальных практик, опосредованных через взаимодействие различных социальных субъектов, формальных организаций и институтов, публичных и непубличных процессов и процедур.

В качестве объекта юридической науки социальное страхование предстает как совокупность социальных субъектов, их отношений, особенно институционально оформленных, а также концептуальных оснований построения системы. В качестве предмета юридической науки социальное страхование представляет собой совокупность исключительно формальных взаимодействий юридически конституированных субъектов (партий, профсоюзов, иных общественных объединений) по поводу формирования и распределения части текущих доходов государства в пользу определенных групп населения; правил формирования и исполнения обязательств, формирования и учета возникающих прав; совокупности юридических фактов и порождаемых ими правовых последствий; источников права и правоприменительной практики, *их соответствия исходным принципам, заложенным в ос-*

нование системы не только законодателем, но и обществом в рамках широко понимаемого «общественного договора».

Последнее крайне важно, поскольку на правовое оформление и на само формулирование предмета исследования в праве социального обеспечения решающее влияние оказывают сложившиеся социальные нормы взаимодействия, исходные представления и ожидания социальных акторов. Это обстоятельство и определяет в значительной мере наш подход к дальнейшему анализу социального страхования как социального и правового феномена в части вычленения некоторых базовых моделей описания социальной реальности.

Если *предметом исследования правовой науки* о социальном страховании является природа и характер возникающих между перечисленными элементами связей и обратных связей, условия, ограничения и базовые посылки (априорные основания), заложенные в исходные условия функционирования данного субинститута, то *предметом регулирования* социального страхования как субинститута является необходимость приведения института социального страхования как системы в соответствие как с его собственными исходными основаниями, так и с ожиданиями общества, сформированными в рамках действующего «общественного договора»¹.

Соответственно, предмет регулирования должен учитывать и охватывать все элементы системы, учитывая как формальные, так и действительные, но латентные зависимости, а также концептуальные (ценностные) основания, положенные в основу системы.

Наличие различных ценностных оснований, не сводимых к единому знаменателю, должно неизбежно и обязательно артикулироваться при попытках регулирования данного института, поскольку наличие «конфликта интерпретаций», представляющего, по сути, «конфликт систем ценностных мировоззренческих (философских) установок и аттитюдов (психологических установок) субъектов-интерпретаторов»², должно быть очевидным всем сторонам (всем социальным субъектам).

Проблемы современного состояния отрасли социального страхования в Российской Федерации связаны во многом с тем обстоятельством, что большинство правовых классиков советского периода, на работы которых мы сегодня опираемся в попытках развития данной науки, в силу идеологических либо каких-то иных обстоятельств не

¹ См.: Воронин Ю. В., Столяров А. В. К вопросу о выработке нового общественного договора // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 11 (63).

² Ягудина Д. С. Конфликт интерпретаций как социокультурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2016. С. 3.

пользовались междисциплинарными походами в анализе на уровне как субъектов, так и характера социальных и экономических отношений между ними, либо были вынуждены очень осторожно высказывать гипотезы о характере этих отношений в идеологически чувствительных вопросах. В результате представления об отрасли и ее природе оказались в значительной мере искажены. Слова (понятия) не соответствовали смыслу, за ними стоящим. Что неизбежно приводило — и продолжает приводить — к «конфликту интерпретаций» по П. Рикёру¹.

Западная «традиция», как мы покажем ниже, также была и остается несвободна от идеологических ограничений в анализе. При этом на идеологические ограничения накладывалась и обычная для англосаксонской научной традиции склонность «фальсифицировать» природу исследуемых явлений, называя их дезориентирующими читателя именами. Более того, там имелись такие же идеологические и политические ограничения, не позволявшие критично взглянуть на природу и основания сформированной системы, поскольку критический взгляд на нее мог бы привести к нежелательным политическим последствиям.

Одним из примеров таких фальсификаций является широкое использование метафоры «welfare state» (столь же метафорически переводимой у нас как «государство всеобщего благосостояния»), которая не имеет отношения не только ко «всеобщему», но даже «благосостоянию», подтверждением чему имеется множество исследований.

Библиографический обзор

Поскольку на функционирование системы социальной защиты помимо разного рода международных конвенций и договоров существенное влияние оказывала и оказывает сложившаяся в предшествующие периоды правовая традиция, то здесь будет целесообразным остановиться на наиболее значимых представителях данной отрасли права. Сделав предварительно оговорку, что само понятие «право социального обеспечения» сложилось исторически, хотя предметом регулирования этой отрасли оказываются отношения, связанные не со всем комплексом правоотношений, возникающих в сфере широко понимаемой социальной защиты населения, куда в последнее время все чаще включаются различные гражданско-правовые отношения, связанные

¹ Субъект являет себя лишь через совокупность объективированных и доступных исследованию продуктов культурной деятельности, т. е. понимание субъектом самого себя совпадает с интерпретацией, что П. Рикёр определял как «прививку герменевтики к феноменологии» (*Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 7.*)

с предоставлением продуктов и услуг, а только в ее «государственной», обязательной части.

Производный характер социального страхования от общественных трудовых отношений стал в свое время главной причиной того, что его изучением в качестве социально-экономического и правового феномена занимались в первую очередь специалисты в области трудового права и экономики труда. Эта тенденция являлась преобладающей как в отечественной науке, так и в зарубежной. Лишь впоследствии, уже в конце XX и начале XXI в. проблема социального страхования начала рассматриваться с общеэкономической, а затем и с общесоциальной и даже культурной точек зрения. Следует обратить внимание также на то, что отечественная наука так и не смогла выработать единое понимание как социально-экономической, так и правовой сущности не только социального страхования, но и социальной защиты и социального обеспечения в целом. Это выражается в наблюдающейся в научной литературе понятийной какофонии.

В настоящее время некоторые исследователи демонстрируют полное непонимание смысла и значения термина «социальное страхование», который из научного понятия фактически превращается в описательную характеристику абсолютно любого процесса, хоть каким-то образом связанного с социальными отношениями. Например, вышедший в 2003 г. учебник «Социальное страхование» под авторством **П. Л. Каминского, В. Г. Павлюченко и С. А. Хмелевской** дает следующую трактовку этому понятию: «Социальное страхование — это основная форма социальной защиты населения в условиях рынка. Оно представляет совокупность экономических отношений, обеспечивающих возможность удовлетворения материальных и духовных потребностей работника (индивида), т. е. воспроизводства рабочей силы, при наступлении материальной необеспеченности в связи со старостью, безработицей, болезнью, потерей кормильца и в иных случаях, предусмотренных законодательством»¹.

Если следовать этой трактовке, то из сферы социального страхования сразу следует исключить такой важный его вид, как страхование пенсионное. И только потому, что выплата пенсий по старости и инвалидности в принципе не может решать задачу «воспроизводства рабочей силы» в силу физиологических особенностей старости и некоторых видов увечий для человеческого организма.

¹ Каминский П. Л., Павлюченко В. Г., Хмелевская С. А. Социальное страхование: учебник для вузов. М., 2003. С. 144.

С другой стороны, наблюдается попытка трактовать понятие «социальное страхование» формально, опираясь сугубо на формулировки действующего законодательства, которые также могут носить субъективный характер и не всегда соответствовать социально-экономической сущности описываемого явления. Цитируем: «С точки зрения сферы охвата физических лиц и объемов финансирования, основной организационно-правовой формой является обязательное социальное страхование. Обязательному социальному страхованию подлежат наемные работники и другие лица, круг которых определен законом. Любое страхование базируется на идее разделения убытков, возникших у одного застрахованного между всеми участниками страхования. С этой целью создается денежный фонд за счет взносов заинтересованных сторон, из которого при наступлении страхового случая выплачивается страховая сумма. Суть обязательного социального страхования заключается в распределении материальных последствий наступления социального риска (страхового случая) между работодателями, заказчиками работ или услуг по гражданско-правовым договорам, индивидуальными предпринимателями, наемными работниками и другими работающими лицами, подлежащими обязательному социальному страхованию, и государством»¹.

Достаточно сказать, что экономическая наука не знает такого понятия, как «распределение убытков», соответственно, и «базироваться» на нем социальное страхование не может. Если мы говорим о каком-то страховом распределении, то речь может идти только о рисках получения убытка и неполучения дохода. В случае с социальным страхованием речь может идти только о риске неполучения трудового дохода. А вот убытка в данном случае не существует. Однако и здесь автор ассоциирует его со страховым случаем, что, по сути, разные понятия. (Случайное событие может произойти и без риска, но утрата трудоспособности в связи с наступлением старости, являющаяся основанием для назначения страховой пенсии, не может быть случайной.) Возвращаясь к отрасли права социального обеспечения, автор данного определения понятия «социальное страхование» считает, что страховой случай эквивалентен понятию юридического факта. То есть и в данном случае, как и в первом нашем примере, приведенном выше, мы опять видим отождествление социального страхования с классическим — страхованием дожития, а не потери дохода в связи с наступлением нетрудоспособности.

¹ Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения: учебник для СПО. 3-е изд. М., 2016. С. 27.

В связи с этим необходимо согласиться с мнением авторов учебника, опубликованного в 2014 г. под общей редакцией Э. Г. Тучковой, о том, что «трудность изучения права социального обеспечения обусловлена тем, что отрасль продолжает еще свое формирование». «Законодательство о социальном обеспечении формируется чрезвычайно сложно, непрерывно меняется, и при отсутствии единого кодификационного акта на практике постоянно возникают проблемы с его применением»¹.

Отечественные праведы и экономисты до сих пор не сумели выработать и научные подходы к классификации социальных систем, и единого понимания целей и задач социального страхования. Более того, некоторые авторы отождествляют его с принципами классического (коммерческого) страхования. Само социальное страхование не рассматривается ими в качестве самостоятельной отрасли.

Т. А. Федорова рассматривает природу социального страхования в рамках курса классического страхования и трактует его как механизм реализации социальной политики государства, основу системы социальной защиты населения². Более того, она представляет социальное страхование как форму, сочетающую социальное обеспечение и страхование, считая, что оно обладает некими общими признаками с коммерческими страховыми отношениями.

Аналогичную позицию в этом вопросе занимал и **В. Д. Роик**. При этом можно отметить некоторую степень непоследовательности в его работах. Так, например, в одном месте он пишет, что «практика финансирования систем социального страхования строится без учета принципов личного страхования, для которых характерным является безусловное соблюдение *принципа эквивалентности* страховых взносов и выплат для отдельного страхуемого»³. А в другом месте мы видим следующий абзац: «Следует учесть, что экономический механизм социального пенсионного страхования зиждется на *принципах эквивалентности* (между взносами и выплатами) и солидарного перераспределения ресурсов (между застрахованными с высокими и низкими доходами, здоровыми и больными, работающими и безработными)»⁴.

¹ Право социального обеспечения в России: учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М., 2014. С. 9.

² См.: Страхование: учебник / под ред. Т. А. Федоровой. 2-е изд. М., 2004.

³ Роик В. Д. Превратить старость в радость: Основы жизнедеятельности населения в пожилом возрасте. М., 2008. С. 356.

⁴ Там же. С. 346.

Такая попытка трактовать возмездный характер социального страхования через якобы эквивалентность выплат уплачиваемым взносам игнорирует его общественно-солидарный характер. В итоге она также приводит к отождествлению страховых взносов с налогами и их включению в расчет так называемой налоговой нагрузки на бизнес. А само социальное страхование воспринимается авторами таких трактовок как некий сформированный запас денежных средств, существующий на случай возникновения социального риска. Причем речь идет не только о риске утраты заработной платы при наступлении нетрудоспособности (социально-страхового риска).

Автор этой концепции **М. Ю. Федорова** настаивает, что этот самый «социальный риск» должен быть единственным универсальным основанием для предоставления гражданину мер социальной защиты, заменяя указанным понятием используемый в социальном страховании термин риска социально-страхового¹. Утверждая, что в соответствующей отраслевой науке якобы достигнуто единообразие в трактовке социального риска, как основания для предоставления социального обеспечения. При этом она и ее коллега **Е. А. Истомина** ссылаются на видных советских и российских ученых-правоведов, которые якобы также при исследовании социальных общественных отношений использовали некий «рискоориентированный подход».

Ученые, на которых ссылаются М. Ю. Федорова и Е. А. Истомина, действительно исследовали категорию социального риска, но делали это они в других смысловых контекстах и с иными целями. Никто из называемых ими лиц не занимал столь однозначной позиции в отношении социального риска как родового, обобщающего и универсального определения всех без исключений оснований для социального обеспечения (социальной защиты), как это делают М. Ю. Федорова и Е. А. Истомина. Будем справедливы: это все-таки исключительно их «know-how».

Например, упоминаемый ими **Н. А. Вигдорчик** писал о социальном риске только как об основании для обязательного социального страхования, но никак не для всего социального обеспечения, и подчеркивал его принципиально важную связь с трудовыми отношениями, которые предопределяют право далеко не на все виды социальной защиты. Проблема заключается в том, что концепция Федоровой — Истиминой

¹ См.: *Федорова М. Ю.* Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003; *Истомина Е. А.* Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

восходит к идеям американского экономиста Ф. Найта, изложенным в работе «Риск, неопределенность и прибыль» (1921 г.), развивавшимся в русле неоклассической экономической школы, делающей ставку на *свободное взаимодействие независимых индивидов (ceteris paribus)*. Данное направление получило дальнейшее развитие в работах В. Парето (предшественника и частично современника Найта), Д. Нэша, Л. Шепли, В. Леонтьева и др. — очень старой и сугубо прагматической концепции мальтузианско-спенсерианского толка, характеризующей в зарубежной научной литературе как «социальный дарвинизм».

Таким образом, сторонники данного подхода отрицают изначально заложенные в праве социального обеспечения правовые традиции, рассматривающие социальные отношения как возникающие из взаимодействия социальных, профессиональных, возрастных групп, но отнюдь не независимых индивидов. Более того, они отрицают существование такого фактора, на котором базируется социальное страхование, как общественная солидарность и существующая в ее рамках ответственность работодателя.

Следует обратить внимание на то, что само определение социального риска в данной концепции выдерживается в той же системе координат, что и определение страхового риска в коммерческом страховании. В практическом плане такое смешение двух совершенно разных и не имеющих общих принципов функционирования экономических систем приводит к использованию чуждых для социального страхования методов финансового анализа и управленческого учета и формированию на основе получаемых таким образом необоснованных данных предложений по их реформированию. Прежде всего это касается попыток актуарной оценки формируемых в рамках социального страхования пенсионных обязательств.

Одним из апологетов такого подхода является **А. К. Соловьев**¹. С одной стороны, он признает, что актуарные расчеты играют главную роль в финансовых системах страхования жизни, а также в других типах классического страхования (имущества, судов, ответственности от несчастных случаев и даже нетрудоспособности). А дальше предлагает распространить этот метод и на социальное страхование. «Необходимо оперативно решить вопрос о создании в России собственной системы актуарных расчетов для целей обязательного пенсионного страхования, полностью учитывающей особенности, обусловленные действующим законодательством о пенсиях, гибким по отношению к нововведе-

¹ См.: Соловьев А. К. Финансовая система обязательного пенсионного страхования в России. М., 2003.

ниям, позволяющим рассматривать не один-два возможных варианта развития, а десятки и сотни, и своевременно принимать упреждающие меры при возникновении тенденций ухудшения ситуации»¹. Одной из таких мер впоследствии стало принятое решение о повышении возраста выхода на пенсию в России. Оно базировалось на ложном, сделанном именно актуарным методом, прогнозе о грядущем увеличении дефицита бюджета пенсионного обеспечения.

Между тем предположение, что социальное страхование нельзя считать типом классических страховых отношений, как для отрасли права социального обеспечения, так и для отечественной экономической науки новостью не является. На это еще в 1947 г. обратил внимание **В. К. Райхер** — известный советский правовед, специалист по хозяйственному и социальному праву. Он указывал, что это два разных правовых института: первый относится к частному праву, второй — к публичному. На то же самое обстоятельство еще в конце XIX в. указывал известный русский цивилист **А. С. Гольденвейзер**². Наконец, об этой разнице писали и представители немецкой исторической экономической школы — **Г. Шмоллер**, **В. Зомбарт** и др. Поэтому попытки навязать праву социального обеспечения некий «рискоориентированный» подход, равно как призывы к использованию метода актуарной оценки в пенсионном страховании, требуют, как минимум, соответствующего научного обоснования и опровержения установленной социально-экономической несовместимости классического (коммерческого) и социального страхования.

В. К. Райхер указывает и на специфическую форму образования страхового фонда в социальном страховании, но при этом, не будучи экономистом, эту специфику выводит только из централизации управления и децентрализации источников финансирования. Зато из экономической науки следует, что речь идет о денежном потоке, а не некоем резервировании средств для будущих выплат.

Очевидно, слабая теоретическая разработанность проблематики социального страхования в отечественной науке связана с целым рядом причин идеологического характера, унаследованных еще со времен СССР, когда само социальное страхование считалось временным явлением, существующим лишь на период до полной победы социа-

¹ Соловьев А. К. Указ. соч. С. 360.

² См.: Гольденвейзер А. С. Социальное законодательство Германской империи. Страхование рабочих: больничное, от несчастных случаев, потери способности к труду и старости // Доклады, читанные на заседании Киевского юридического общества 18 ноября 1889 г. и 1 апреля 1890 г. Киев, 1890.

лизма, и трактовалось как метод аккумуляции средств для реализации мер социального обеспечения¹. При этом некоторые известные ученые-правоведы трактовали характер правоотношений в этой сфере как «алиментарный»², а общественная солидарность понималась узко, только как солидарность поколений при выплате пенсий. Да и то, не столько солидарность, сколько именно обязанность трудоспособных граждан по содержанию нетрудоспособных. При этом в отдельных работах отрицался как возмездный характер социального страхования, так и его прямая связь с трудовыми отношениями.

Справедливости ради следует сказать, что другие советские специалисты в области социального права противостояли такому подходу, аргументированно доказывая прямую и неразрывную связь социально-страховых выплат с утрачиваемым в результате наступления нетрудоспособности заработком³. Они противостояли и попыткам привнесения в сферу публичных правовых отношений понятия, применяемого в семейном праве, — алиментации.

Сама дискуссия по этому поводу носила больше схоластический, чем научно-теоретический характер, что не позволило советской науке обратить внимание и осмыслить вопрос существования в мире как минимум двух базовых моделей — англосаксонской (датской) модели социального обеспечения и континентальной модели социального страхования. Притом что первым на их существование указал именно отечественный ученый, уже упоминавшийся **Н. А. Вигдорчик**⁴. Он же сформулировал и один из принципов их идентификации в соответствии с целями и задачами, которые преследуются в том и другом случаях. В первом преследуется борьба с бедностью, во втором — компенсация утрачиваемого наемным работником заработка. Идеология первой модели исходит из благотворительного характера социального обеспечения, а вторая категорически отрицает любые подозрения на филантропию. В первой модели социальные выплаты привя-

¹ См.: *Ланцев М. С.* Социальное обеспечение в СССР (экономический аспект). М., 1976.

² См.: *Иванова Р. И., Тарасова В. А.* Предмет и метод советского права социального обеспечения. М., 1983; *Андреев В. С.* Право социального обеспечения в СССР: учебник для вузов. 2-е изд. М., 1980; *Пашерстник А. Е.* Правовые вопросы вознаграждения за труд рабочих и служащих. М.; Л., 1949.

³ См.: *Ачаркан В. А.* Государственные пенсии. М., 1967; *Фогель Я. М.* Право на пенсию и его гарантии. М. 1972.

⁴ См.: *Вигдорчик Н. А.* Социальное страхование в общедоступном изложении. М., 1927.

заны к прожиточному минимуму, во втором — к утрачиваемой заработной плате.

Попытка вернуться к этой теме и преодолеть довлевшую над советской наукой права социального обеспечения дискуссию об алиментарности была сделана только в 1988 г. **Л. П. Якушевым**, также после длительного перерыва обратившего внимание на двуединую правовую и социально-экономическую сущность социально-страховых выплат, — в первую очередь пенсионных¹. Однако в отличие от Н. А. Вигдорчика дальше этой констатации он не пошел и ограничился лишь исследованием функциональных особенностей пенсионных систем.

Исходя из вышеизложенного, нам приходится делать вывод о том, что отечественной науке пока так и не удалось выработать актуальные методы классификации социальных систем, а также до конца сформулировать финансово-экономические принципы функционирования социального страхования и правовые признаки их идентификации. В том числе и этот факт стал причиной, по которой авторы настоящего пособия поставили задачу более четко определить социально-экономическую и правовую природу феномена социального страхования.

Актуальность решения вопроса о порядке классификации социальных систем диктуется также низкой результативностью или, говоря прямо, провалом соответствующих реформ социального обеспечения (прежде всего пенсионного), проводившихся в конце XX — начале XXI в. во многих странах мира, в том числе в России, в соответствии с рекомендациями, разрабатываемыми Всемирным банком. Речь идет о попытках внедрить в системы обязательного пенсионного страхования элементы классического (коммерческого) страхования. Неудача в таких действиях породила дискуссию о необходимости разработки соответствующих классификационных признаков и среди зарубежных ученых.

Опубликованную в 2003 г. совместную работу **Х. Кремера и П. Пасто**², а также в 2018 г. монографию **Ж. Конде Руиса и К. Гонсалес**³ объединяет попытка авторов выявить фундаментальные различия между системой пенсионного страхования О. фон Бисмарка и разработанными в 1942 г. британским исследователем и государственным

¹ См.: *Якушев Л. П.* Усиление связи норм пенсионного обеспечения с трудовым вкладом // Социалистический труд. 1988. № 10. С. 81—86.

² См.: *Cremer H., Pestieau P.* Social Insurance Competition between Bismarck and Beveridge // *Journal of Urban Economics*. 2003. Vol. 54. P. 181—196.

³ См.: *Conde-Ruiz J. I., González C. I.* European Pension System: Bismarck or Beveridge? // FEDEA. Working Papers. 2018. Vol. 01.

деятелем У. Бевериджем и внедренными после Второй мировой войны в странах Британского содружества предложениями по реформированию систем пенсионного обеспечения. Но и такое противопоставление не совсем правомерно по той причине, что уже к моменту возникновения так называемой концепции Бевериджа «бисмарковская пенсионная система» претерпела существенные и принципиальные изменения. В этом смысле план социальных реформ Бевериджа, выдвинутый им в 1942 г., имеет смысл сравнивать с «Меморандумом Шрайбера», опубликованным в Германии в 1955 г. и ставшим теоретической основой для проведения реформы пенсионного страхования правительствами Эрхарда и Аденауэра¹.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в настоящей работе авторы сделали попытку преодолеть выявленную теоретическую и практическую слабость науки права социального обеспечения и экономики труда. Насколько это удалось — судить нашему читателю.

¹ См.: *Schreiber W.* Existenzsicherheit in der industriellen Gesellschaft. Unveränderter Nachdruck des «Schreiber-Planes» zur dynamischen Rente aus dem Jahr 1955. Diskussionsbeiträge Nr. 28. Bergheim, 2005.

Глава 1. Социальное страхование как общественный феномен

Базовая концептуальность и связанный с ней категориальный аппарат играют ключевую роль в формировании и регулировании социальных систем. Это в полной мере относится и к системе социального обеспечения, и к ее подсистеме обязательного социального страхования с особыми принципами, процедурами и правилами функционирования.

Собственно категориальный аппарат строится в соответствии с определенной логикой и описывает определенные социальные реалии, отраженные в некоторых концептах. Поэтому базовые концептуальные конструкции должны быть хорошо поняты и отрефлексированы. Пренебрежение правилами построения категориального аппарата и невнимание к основаниям суждений чревато существенными издержками не только в теории, но и на практике, поскольку именно этот аппарат впоследствии переносится в нормативные правовые акты и является основой регулирования повседневной практической деятельности людей.

«Люди избавились бы от половины своих неприятностей, если бы смогли договориться о значении слов», — говорил известный философ Р. Декарт¹. Применительно к системе социального права эта философская доктрина заключается в признании необходимости более ответственного отношения к понятиям и обозначающим эти понятия словам, их лингвистическим особенностям и преимущественному толкованию. Пренебрежение этим аспектом в юридической и — шире — всей социальной практике приводит не к упрощению решения задач социальной политики, стоящих перед обществом, а к возникновению новых, еще более сложных.

Следует учитывать, что при «конструировании» и последующем использовании правовых понятий в социальной сфере решающее значение имеет именно теория функции, под которой понимается роль или назначение права. Поэтому при появлении нового термина или придании другой трактовки уже существующему понятию ответ

¹ Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 139.

Contents

Introduction	9
Chapter 1. Social insurance as a social phenomenon	39
§ 1. Ideological sources of social insurance	41
§ 2. The emergence of social insurance	76
§ 3. The socio-economic nature of social insurance	113
§ 4. The difference between social insurance and other types of insurance	130
§ 5. The relationship between social insurance and labor relations	158
§ 6. Social insurance risk and event	179
§ 7. Social insurance contribution and its difference from other mandatory payments	199
Chapter 2. Social insurance as a public law system	212
§ 1. Principles of compulsory social insurance	212
§ 2. The role of the state in organizing and regulating the compulsory social insurance system	221
§ 3. Classification of compulsory social insurance into types, kinds and forms	232
§ 4. Voluntary entry into legal relations on compulsory social insurance	239
§ 5. Types and kinds of compulsory social insurance	247
Chapter 3. Problems of formation and development of social insurance in the Russian Federation	291
§ 1. History of the formation of domestic legislation on social insurance	291
§ 2. Current state of legal regulation of social insurance	343
§ 3. Regulatory deformation of the principles of social insurance	348
§ 4. The crisis of the modern system of compulsory social insurance in the context of its regulatory deformation and socio-economic challenges	361

§ 5. Urgent measures to stabilize the modern system of compulsory social insurance	374
§ 6. Strategic prospects for the development of social insurance	401
Conclusion	414
List of sources and literature	417

Оглавление

Введение	9
Глава 1. Социальное страхование как общественный феномен	39
§ 1. Идеологические истоки социального страхования	41
§ 2. Возникновение социального страхования	76
§ 3. Социально-экономическая природа социального страхования	113
§ 4. Отличие социального страхования от иных видов страхования	130
§ 5. Связь социального страхования с трудовыми отношениями	158
§ 6. Социально-страховой риск и случай	179
§ 7. Социально-страховой взнос и его отличие от других обязательных платежей	199
Глава 2. Социальное страхование как публично-правовая система	212
§ 1. Принципы обязательного социального страхования	212
§ 2. Роль государства в организации и регулировании системы обязательного социального страхования	221
§ 3. Классификация обязательного социального страхования на типы, виды и формы	232
§ 4. Добровольное вступление в правоотношения по обязательному социальному страхованию	239
§ 5. Типы и виды обязательного социального страхования (практический аспект)	247
Глава 3. Проблемы формирования и развития социального страхования в Российской Федерации	291
§ 1. История формирования отечественного законодательства о социальном страховании	291
§ 2. Современное состояние правового регулирования социального страхования	343

§ 3. Регуляторная деформация принципов социального страхования	348
§ 4. Кризис современной системы обязательного социального страхования в условиях ее регуляторной деформации и социально-экономических вызовов	361
§ 5. Неотложные меры по стабилизации современной системы обязательного социального страхования	374
§ 6. Стратегические перспективы развития социального страхования	401
Заключение	414
Список источников и литературы	417
Contents	436

Основы социального страхования: становление, развитие и правовое регулирование

Научно-практическое пособие

Под общей редакцией

Ю. В. Воронина

Ответственный редактор

С. В. Каменская

Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ

ООО «Юридическое издательство Норма»
109316, Москва, Волгоградский пр-т, 2
Тел. (495) 625-45-05. E-mail: norma@norma-verlag.com
Internet: www.norma-verlag.com

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru

Корректор *Л. А. Попенова*

Дизайн обложки: *М. А. Агаркин*

Верстка: *Г. С. Брудовская*

Подписано в печать 27.12.24

Формат 60×90/16. Бумага офсетная

Гарнитура «Таймс». Печать цифровая

Усл. печ. л. 27,50. Уч.-изд. л. 26,75

Тираж 500 экз. Заказ №

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М» (оптовая продажа)

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96. Факс: (495) 280-36-29

E-mail: books@infra-m.ru

Отдел «Книга — почтой»

Тел.: (495) 280-15-96 (доб. 246)
